Этим летом миллион выпускников вузов, защитив дипломы, вышли на рынок труда. Как примет их отечественная экономика? Опросы показывают: трудоустройство выпускника вуза – головная боль для семьи и полагаться в ответственном деле приходится не на диплом, а в основном на связи и знакомства. Официальная статистика подтверждает: большинство молодых специалистов испытывают трудности с поиском работы. Но и это еще не все: ведомственная отчетность не включает тех, кто прошел обучение на платной основе. А значит, безработных молодых специалистов на самом деле еще больше, и при всех разговорах о дефиците кадров родной экономике они просто не нужны.

[Ежегодный мониторинг](#) трудоустройства выпускников вузов Минобрнауки проводит уже третий раз. В этом году обследовали выпускников 2015 года, которые устраивались на работу в течение года. Устроиться, выявил мониторинг, удалось примерно 74-75 процентам.

При этом выяснилось, что работодатели охотнее всего принимали на работу выпускников национальных исследовательских университетов (НИУ) Бауманский, Губкинский, МИФИ – процент трудоустройства 81,54. Выпускники МГУ и СПбГУ, по данным ведомственного исследования, пользуются меньшим спросом на рынке – 74,58 процента. Удивляет результат МГИМО: трудоустроены всего 53,17 процента выпускников, их средний заработок – 47 760 рублей. Казалось бы, высочайшие требования к абитуриентам и дорогая подготовка к поступлению, заоблачная стоимость обучения – и это все ради средней зарплаты? Эксперты выдвигают версию: почти половина мгимовиков сейчас уходит в силовые структуры, где отчетность не прозрачна, а заработки несравнимы с «гражданкой». И в текущей официальной статистике, скажем, Пенсионного фонда России эти люди не отражаются, пока не выйдут на пенсию.

Итак, как показывает мониторинг Минобрнауки, 75 процентов выпускников трудоустроены. Означает ли это, что остальные 25 процентов – в «пролете»?

Росстат в прошлом году проводил выборочное наблюдение трудоустройства выпускников образовательных организаций. Вот его подсчеты: 139,6 тысячи молодых людей в возрасте 20-24 года (то есть только что окончившие вузы) не имеют работы. И получается, что безработица среди выпускников вузов 2015 года в 5 раз больше, чем в целом по стране (5 процентов). Есть и еще одна цифра: среди выпускников от 25 до

29 лет (то есть предыдущие выпуски) Росстат насчитал 152,1 тысячи безработных. Проблема, стало быть, не только со «свежим притоком», но и с тем, что до него – две выпускные «волны» дают в общем зачете 291,7 тысячи молодых людей с дипломами и без работы.

Между тем наблюдение, как указывает Росстат, «выборочное». Стоит ли этим данным доверять? Эксперты утверждают: стоит, поскольку они коррелируются с другими.

В кризис же работодатели сразу предлагают молодым неформальную занятость, выталкивая их во фриланс, на срочные договора, а то и вообще без договора, оплачивая налом подработку, без соцпакета, без страховых и пенсионных взносов

Известно, например, число вакансий в реальном секторе экономики и бюджетной сфере на конец октября 2016 года: 173 984 места для специалистов высшего уровня квалификации (то есть с дипломами вузов и желательно с опытом работы, как уточнили во ВНИИ труда Министерства труда и социальной защиты населения РФ) на крупных и средних предприятиях всех форм собственности. Данные свежие (опубликованы Росстатом в апреле 2017-го, не включены вакансии в финансовом секторе и малом бизнесе), и цифру можно принять как достоверную — ее давали сами предприятия. Если на указанные Росстатом 173 984 места претендовали 139,6 тысячи безработных выпускников вузов 2015 года, то у нас вроде бы даже и дефицит кадров с высшим образованием. Однако, как мы уже выяснили, на самом деле нетрудоустроенных молодых соискателей больше, их как минимум 291,7 тысячи. И тогда рабочих мест уже явный недостаток, а на вакансии ведь претендует не только молодежь. Словом, и по этим показателям выходит, что нетрудоустроенных – 25 процентов, каждый четвертый выпускник вуза у нас оказывается без работы.

Цифра пугающая, но реально дела обстоят еще хуже: все эти данные выводятся официальной статистикой только по выпускникам-бюджетникам. И за рамками отчетности остаются... еще 450 тысяч выпускников, учившихся в вузах на платной основе. А ведь они тоже претенденты на те самые 173 984 вакантных рабочих места для всех возрастных категорий.

Это можно признать одним из парадоксов нынешней ситуации: выпускники, учившиеся на платных местах, оказываются в самом невыгодном положении. За этих студентов родители годами платили университетам немалые деньги (до 500 тысяч рублей в год),

но их судьбы никого не интересуют, их нигде не учитывают, о них и вузы, и министерство забывают, как только подписывают им дипломы. Хотя высокие зарплаты преподавателей – это ведь как раз из дополнительных доходов от студентов «на договорной основе», и вузы должны бы их на руках носить: платники дают денег не меньше, чем бюджет...

Склонные к позитивному восприятию мира могут возразить: стоит ли копаться в отчетности, ведь никто из молодых специалистов не нищенствует, большинство при деле, оставшиеся заняты в каком-нибудь малом или семейном бизнесе, да и вообще все зависит от методики подсчета. Так, например, 291,7 тысячи молодых неустroенных с дипломами в общей массе выявленных в стране 3 млн 845 тысяч безработных (те самые официальные 5 процентов) – это нестрашные 7,6 процента. А вовсе не 25 процентов, как следует из ведомственных документов.

Так каким цифрам верить? Эксперты от жесткого ответа уходят, предлагая опираться еще и на «правду жизни», которая состоит в том, что многие недавние выпускники работают не по специальности, на случайных подработках, часто никак не оформленные работодателем. Кроме того, устроеными на работу считаются те, кто хоть раз (!) за год получил белую зарплату. А долго ли длится это счастье – никаким инстанциям неизвестно, да и неинтересно.

Опросы показывают: трудоустройство молодого специалиста – это большая проблема для семьи. А главным в поиске работы становятся нужные связи и знакомства. Ирина Абанкина, директор Института развития образования НИУ ВШЭ, говорит, что на нашем рынке труда есть, по сути, «закрытые сектора, в которые случайным людям попасть крайне трудно». Прежде всего – медицина: как правило, кто-то из родителей (или родственник из старшего поколения) выпускника медвуза в этой сфере работал. Далее – архитектура, творческие профессии: художники, артисты, музыканты. Очень специфичен нефтегазовый сектор. Похожая ситуация начинает складываться в строительной и металлообрабатывающей отраслях.

За рамками «закрытых периметров» разгуляться особо негде: инновационная сфера пока еще слишком узкая, отрасль IT всегда привлекала лучшие «мозги» и до сих пор такой остается, но там вакансий немного, и потому отбор при приеме на работу очень строгий. А традиционные сектора экономики новых рабочих мест не обещают, имеющиеся бы сбересть: степень износа основных фондов сегодня в стране – самая высокая с 1990 года.

И как в такой ситуации определиться будущим студентам? Да никак. Потоки абитуриентов – это стихия, которую угадать трудно. В самом деле, еще недавно все ломилось на государственное и муниципальное управление. Но в последние годы в чиновничьем аппарате произошли значительные сокращения, кадры обновились, сюда пришло много молодежи, а зарплаты... снизились. Стало ясно, что получить там «теплое местечко» теперь труднее. И конкурсы в вузы сократились.

Теперь волна хлынула в военные вузы. В этом году конкурс вырос в 4 (!) раза – до 8 человек на место. Раньше туда шли в основном, чтобы избежать срочной службы в армии. Сегодня иное дело: военные и полицейские – главные герои новостей и телесериалов, зарплаты высокие, военные заказы оживляют экономику. Результат – народ двинулся туда. Хотя долго ли продлится золотой век «оборонки» – неизвестно.

Состояние нашего рынка труда, считает Ирина Абанкина, тревожное. Он развивается совсем не по тем моделям, которые наработаны в развитых экономиках. Там стоимость труда определяет уровень образования, а не только опыт работника. Там выпускники, имеющие высокие оценки, получают лучшие предложения от работодателей. Там конкурентоспособность кадров зависит от постоянного повышения квалификации, от способности работника адаптироваться к новым требованиям.

У нас ничего этого нет – нашей экономикой такой тип работника не востребован. Хотя принцип «лучшие студенты выбирают лучшие места» когда-то действовал – в советской системе распределения выпускников: первыми на распределительную комиссию выходили отличники. Но старую систему отменили, а в новой имеем то, что имеем.

В конечном счете, все это вопрос отношения к человеческому капиталу, о котором сегодня много говорят на разных официальных уровнях и много пишут в ведомственных и межведомственных бумагах. Но что помимо разговоров и упоминаний в служебных записках?

На Западе подготовка и обучение кадров в расчете на будущее развитие производства – это специальная технология бизнеса. У нас же это экзотика, знакомая только наиболее продвинутым компаниям (вроде «Яндекса» или Сбербанка).

Конечно, есть исключения, например РАНХиГС или НИТУ «МИСиС». Практически с первого курса Центр карьеры МИСиС готовит студентов к будущей работе, а на последних курсах они проходят практику там, где им предстоит трудиться. Как сообщает пресс-служба вуза, до 98 процентов выпускников находят работу.

И последнее. Повышение сроков выхода на пенсию неизбежно: через год или два, но это произойдет. Однако у нас вопрос о пенсионном возрасте почему-то обсуждается только в техническом плане: сколько денег надо будет переводить в Пенсионный фонд. Это важный нюанс, конечно, но есть и другой, не менее значимый — трудовых вакансий станет еще меньше. А значит, «социальные лифты», которые и без того еле двигаются, попросту встанут. В Министерстве образования и науки на вопрос: «Как отразится на трудоустройстве будущих выпускников увеличение пенсионного возраста?» честно ответили: «Мы об этом еще не думали...»

Как обстоят дела с трудоустройством молодежи за рубежом?

По данным Европейского статистического агентства (Евростат), в 2016 году в Евросоюзе уровень занятости молодежи 20-34 лет в течение трех лет с момента получения высшего образования составил 80,8%. Причем выпускники мужского пола трудоустраиваются легче — среди них уровень занятости составляет 83,3%, тогда как среди женщин — 78,8%. Самая высокая доля трудоустроенных выпускников в ЕС была зафиксирована на Мальте (96%), в Германии (92,6%) и Нидерландах (92,3%), самая низкая — в Греции (53,6%), Италии (57,7%) и Испании (70,7%).

По данным Евростата, в мае 2017 года в 28 странах Евросоюза насчитывалось 19,1 млн безработных (на 2,1 млн меньше, чем в мае 2016 года). Среди жителей ЕС младше 25 лет таковых нашлось 3,8 млн человек (на 585 тысяч меньше, чем годом ранее). Самая низкая доля безработной молодежи зафиксирована в Германии (6,7%), Нидерландах (9%) и Чехии (9,2%), в то время как самая высокая — в Греции (45,5%, данные за апрель), Испании (38,6%) и Италии (37%). Для сравнения, по данным ОЭСР, в Японии в 2016 году доля безработных среди жителей младше 25 лет равнялась 5,2%, в США — 10,4%, в Австралии — 12,7%, в Канаде — 13,1%.

Самыми неблагоприятными регионами для трудоустройства молодежи в 2016 году

оказались Ближний Восток и Северная Африка. Там, по данным Всемирного банка, безработица среди граждан 15-24 лет в среднем составила 29,7%. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна оказалось в среднем по 16,9% безработных молодых людей, в Юго-Восточной Азии – по 10,5%. Среди стран-рекордсменов, в которых более половины молодежи – безработные, оказались Босния и Герцеговина (67,6%), Свазиленд (52,8%), ЮАР (52,3%), Французская Полинезия (50,8%) и Оман (50,8%).

(www.kommersant.ru)